

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Л. А. ФАДЕЕВ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЗИМБАБВЕ

В 1868 г. на территории Южной Родезии были обнаружены древние каменные сооружения, поразившие исследователей грандиозными размерами и совершенством сухой каменной кладки. Предпринятые разведки показали, что сооружения подобного типа разбросаны на большей части междуречья Замбези — Лимпопо.

Наиболее значительные комплексы древних руин расположены в верховьях притоков Лимпопо и р. Саби. На западе, у Булавайо, находятся руины Дхло-Дхло и Кхами, на востоке, у границ Мозамбика, — руины Мигомбе, Матандере, Чивона, Иньянга. Вокруг последних склоны гор сохраняют следы земледельческих террас на площади более 10 000 км². У г. Виктория находится Большое Зимбабве, главная группа памятников междуречья. Здесь на холме возвышаются стены крепости — «Акрополя», ниже, в долине, расположены: величественное эллиптическое сооружение («храм»), Руины Мауха, Маунд-Руины и др. В долине Лимпопо следы древних стен обнаружены на одинокой скале Мапунгубве (у Мессины) и в ряде других мест (см. карту, рис. 1). Число этих памятников превышает четыре сотни.

Однотипность сооружений и сходство раскопочных данных позволили исследователям заявить о наличии здесь в прошлом высоко развитой культуры, получившей по имени главной группы памятников название «культуры Зимбабве». Эта культура уже без малого сто лет является объектом ожесточенной полемики в связи с целым рядом проблем, возникших при ее изучении. Важнейшей из них является проблема происхождения данной культуры.

Можно выделить пять основных теорий происхождения культуры Зимбабве: 1) ее древнесемитского происхождения; 2) дравидийского происхождения; 3) «хамитического» происхождения («хамитский мост»); 4) диффузии извне культурных элементов и идей в среду банту — строителей памятников Зимбабве; 5) теория автохтонного происхождения культуры Зимбабве.

Перечисленные теории не только охватывают основные представления о происхождении культуры Зимбабве, но и отражают реальное соотношение между взглядами различных групп исследователей, между главными идейными направлениями, борьба которых составляет содержание историографии Зимбабве. Это борьба двух идеологий в буржуазной африканистике: идеологии империализма, считающего негров низшей расой, не способной к самостоятельному развитию, и оправдывающего захват африканских земель, и прогрессивной идеологии, основанной на принципах равенства народов и рас, выступающей за тщательное изучение культуры аборигенов Африки и признание ее выдающейся роли в истории мировой культуры.

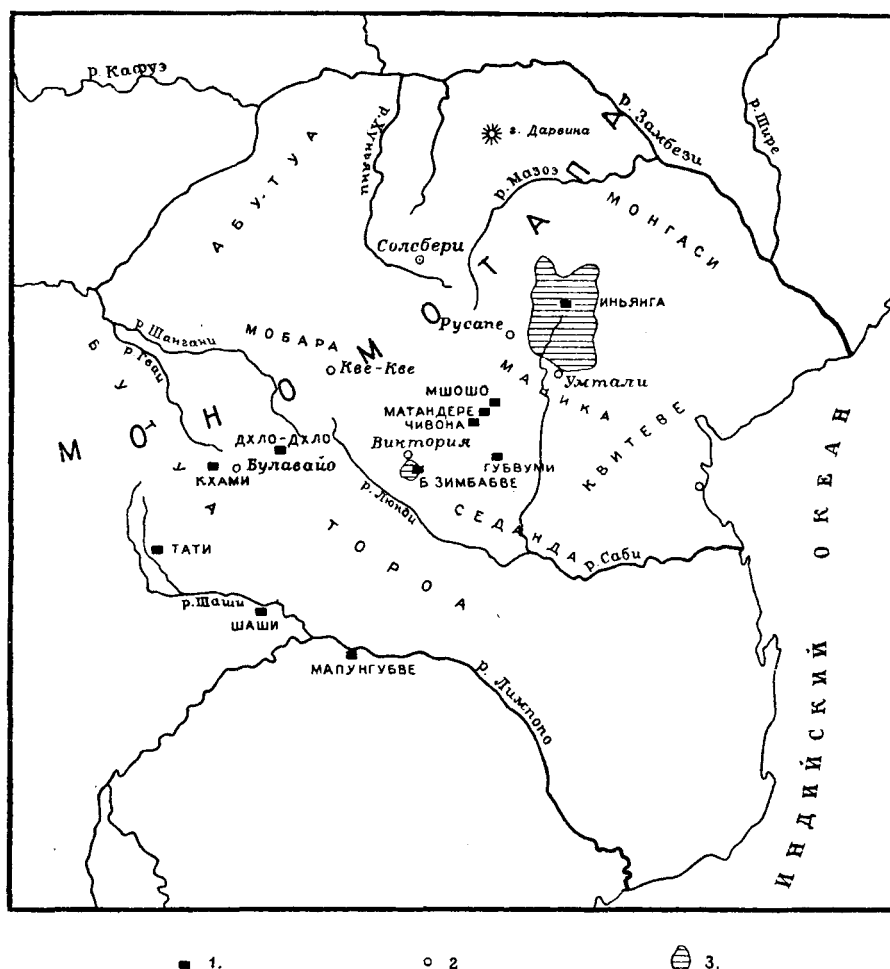

Рис. 1. Средневековые руины и страны междуречья: 1 — важнейшие руины; 2 — населенные пункты; 3 — террасированные земли

Теории древнесемитского и дравидийского происхождения культуры Зимбабве чисто спекулятивные. В настоящее время никто уже не решается открыто защищать их. Они признаны ошибочными и сохраняют лишь историографическое значение.

Накопление научных данных, невозможность отрицать участие банту в сооружении памятников междуречья заставили сторонников неафриканского происхождения культуры Зимбабве, более тонко применяясь к обстановке, выработать новые формы борьбы. Тезис о внеафриканском происхождении культуры Зимбабве проводится теперь в завуалированном виде теоретиками диффузионизма и «хамитизма».

Диффузионисты, к числу которых принадлежит ряд крупнейших исследователей культуры Зимбабве (Кэтон-Томпсон, Лестрейд и др.), признают автохтонный характер этой культуры, но сводят это положение на нет, утверждая, что в основе данной культуры якобы лежат идеи, извне проникшие в среду банту. Диффузионисты, давшие огромный фактический материал для доказательства автохтонности Зимбабве, отстаивают иногда по существу противоположные взгляды.

Наиболее серьезное влияние на изучение проблематики Зимбабве оказывает сейчас «хамитическая» теория. Первые предположения о зависимости культуры Зимбабве от «хамитов» были высказаны герман-

ским профессором Лео Фробениусом в 1920-х годах¹. По его мнению, целый ряд культурных особенностей, присущих родезийским банту, входит в выделяемую им «эритрейскую культуру». Так, к элементам последней он относит существовавшее у банту ритуальное убийство вождя (выводимое им из Вавилонии), особое политическое положение матери вождя и пр. Взгляды Фробениуса были поддержаны Зелигманом, считавшим ритуальное убийство вождя «старейшим ответвлением хамитического ствола»². Особое значение многие исследователи придают тезису Шпаннауса о решающем влиянии хамитов на создание политических и социальных институтов в государствах бахима-батутси, в Уганде, Уньюро, Анколе и т. д., а также в Мономотапе³. Из специалистов, занимавшихся культурой Зимбабве, этот взгляд был поддержан Шебестой, находившим близкое сходство в социальном устройстве Уганды и Мономотапы⁴. Все эти авторы усиленно подчеркивали пассивный характер местной «эритрейской» культуры, к которой они причисляли банту, и активный характер культуры «хамитов».

Взгляды теоретиков «хамитизма» нашли отражение в работах таких исследователей африканских древностей, как Уэйнрайт, выдвинувший в 1949 г. гипотезу о происхождении культуры Зимбабве⁵, и Брейтц, перу которого принадлежит теория происхождения восточноафриканских культур⁶.

Уэйнрайт, анализируя известное место из сочинения арабского географа Масуди «Золотые луга»⁷ об эфиопском племени зендж, перешедшем Нил и достигшем Софалы, пытается доказать, что культура Зимбабве была создана мигрировавшими на юг «хамитами» галла, культура которых сложилась под влиянием доисламских арабов. Желая обосновать родство зенджей Масуди и галла Эфиопии (идентичность зенджей и создателей Зимбабве для него несомненна), Уэйнрайт приводит некоторые лингвистические, исторические и археологические доказательства.

Однако аргументация Уэйнрайта не может быть признана достаточно убедительной. Так, в названии правителей зенджей Wqlimi он склонен видеть галлаские корни waq+ilma (сын неба), хотя такая конструкция невозможна в языке галла, а все выражение, как это было доказано Мейнхофом, означает на языках банту «царь царей» (правильное чтение — twana wa mfalúme)⁸.

Неубедительны и археологические доводы Уэйнрайта. Он ошибочно считает ведущей чертой культуры Зимбабве фаллизм, выводимый им из Передней Азии. В настоящее время очевидно, что фаллизм не был доминирующим на Зимбабве. Ложной аналогией является сравнение циклопических сооружений в провинции Харар и Большого Зимбабве, ибо между ними нет конструктивного и орнаментального сходства.

¹ Leo Frobenius und R. V. Wilm, *Atlas Africanus*, Berlin, 1923—1931; Leo Frobenius, *Monumenta. Africana*, Frankfurt a/Main, 1929; его же, *Eröthraä, Länder und Zeiten des heiligen Königsmordes*, Berlin, 1931; его же, *Simbabwe, «Umschlag»*, v. 35, 1931.

² См. H. A. Wieschhoff, *The Zimbabwe-Monotapa culture in Southeast Africa*, Menasha, 1941, стр. 150.

³ Там же.

⁴ P. P. Schebesta, *Die Zimbabwe-Kultur in Afrika*, «Anthropos», v. 21, 1926, стр. 484—522.

⁵ G. A. Wainwright, *The Founders of the Zimbabwe Civilization*, «Man», v. XLIX, 1949, стр. 64.

⁶ P.-L. Breutz, *Stone Kraal Settlements in South Africa*, «African Studies», v. 15, № 4, 1956.

⁷ Barbier de Meynard et P. de Courteille, *Maçudi, «Les prairies d'or»*, v. II, Paris, 1861, стр. 453.

⁸ См. заметку C. Meinhof в журн. «Zeitschrift für Eingeborenen Sprachen», Bd. X, H. 2, Juni, 1920, стр. 152.

Таковы основные аргументы Уэйнрайта; не имеет смысла останавливаться на других, уже явно умозрительных или ошибочных его доказательствах. Уэйнрайт рассматривает лишь отдельные факты и черты культуры Зимбабве в отрыве от современных научных данных, поэтому его теория не может быть признана достаточно обоснованной.

Более солидной выглядит выдвинутая в 1956 г. П.-Л. Брейтцем теория происхождения восточноафриканских культур, в том числе и Зимбабве⁹. Брейтц полагает, что Северо-Восточная Африка и Аравия были связаны общей культурой, основу которой составляла мегалитическая культура древних семитов Мариба, знавших технику сухой каменной кладки, ирригацию и пр. Эта эфиопско-семитская культура, доходившая на севере до Мероз, дала ряд миграций на юг, в результате чего сложились взаимно влиявшие друг на друга комплексы культур, или «культурно-исторические» слои. С тремя из них Брейтц связывает всю историю Восточной и Юго-Восточной Африки. Это культура поздних мегалитов Родезии и Эфиопии, с большими каменными сооружениями, датируемыми Брейтцем 600—1000 г. н. э.; культура поздненеолитических, с мегалитическим влиянием (с 900 г.), каменных сооружений в Южной Африке (так называемые поселения каменных краалей, датируемые Брейтцем 900—1300 гг.); и, наконец, культура банту розви и венда, мигрировавших в Южную Родезию после 1450 г. н. э., которая, согласно традиции, связана с камнестроительством и разработкой руд.

Сооружения Зимбабве, которые Брейтц предпочитает называть «позднеафриканскими мегалитами», сыграли, на его взгляд, большую роль в истории Мономотапы, но строили их не банту. Ссылаясь на упомянутый выше текст Масуди, Брейтц заявляет, что «иноземцы, чья культура была родственна культуре строителей руин, управляли страной задолго до банту Мономотапы»¹⁰. Хотя работа Брейтца посвящена специально каменным краалям Южной Африки, вся она направлена на доказательство того, что банту культурно пассивны и неспособны к самостоятельному развитию.

Брейтц подобно Уэйнрайту подчеркивает решающую роль обитателей Северо-Восточной Африки в передаче на юг древней культуры семитов Мариба, причем придает значительно большее значение, нежели Уэйнрайт, собственно «хамитической» традиции в этой культуре. Он согласен с Коул¹¹, считающей каменное строительство в восточной части Африки и Родезии делом рук «хамитов». В позднем камнестроительстве банту Брейтц видит продолжение семито-хамитской традиции.

Обоснование своей концепции Брейтц строит на следующих положениях: на признании существования в Восточной Африке до банту единого типа ирригационных сооружений и единой мегалитической культуры и на признании разделения банту на ряд культурных комплексов, сложившихся под влиянием предыдущих культур. Между тем современное состояние науки позволяет определенно заявить, что на территории Восточной Африки не существовало единого типа ирригационных сооружений и единой мегалитической культуры, там имеется лишь огромное количество самых разнообразных памятников, относящихся к разным народам и эпохам.

Столь же необоснованна попытка Брейтца противопоставить «цивилизovaných» носителей мегалитической культуры «полудиким» банту. Представление о том, будто банту жили в домах, сделанных из прутьев и грязи, давно устарело. Наукой представлены несомненные доказательства наличия у банту древней самостоятельной традиции камен-

⁹ P.-L. Breutz, Указ. раб.

¹⁰ Там же, стр. 159.

¹¹ S. Cole, Prehistory of East Africa, London, 1954, стр. 271.

ного строительства. Иногда Брейтц ради построенной им схемы идет на искажение действительности. Так, он объявляет позднеолитическими террасы Родезии, хотя давно уже известно, что они относятся к развитому железному веку.

Выделенные Брейтцем среди банту культурные комплексы представляют, по существу, эклектическое нагромождение культурных черт и социальных явлений, относящихся к различным эпохам и перекрещивающихся между собой. Выделение надуманных категорий позволяет Брейтцу игнорировать фактический материал и искажать его, но не имеет никакого отношения к действительным культурам и народам, существовавшим на территории Африки.

Взгляды Брейтца фактически совпадают со взглядами Уэйнрайта. Оба они не верят в самостоятельность культурного творчества аборигенов Африки, оба помещают источники африканской культуры в Азию. Близки и их системы доказательства. Теория Брейтца, подобно теории Уэйнрайта, представляет собой попытку найти подтверждение уже готовым, сложившимся до опыта представлениям путем удобной для автора перегруппировки действительных фактов.

Попытки Уэйнрайта, Брейтца и других авторов доказать «хамитический» характер культуры Зимбабве оказались несостоятельными. И если самое понятие «хамитизм» надуманно, то еще менее реальными оказываются попытки найти следы его в Южной Африке.

Археология культуры Зимбабве

Создание правильного представления об облике, историческом месте и создателях культуры Зимбабве, а также об основных этапах ее развития стало возможным лишь после систематического изучения этнографических и археологических данных, и не только особо выдающихся (как это делали прежние исследователи), но в первую очередь — заурядных, серийных, массовых.

Наши представления об археологии Зимбабве основываются прежде всего на предложенной Кэтон-Томпсон стратиграфии¹², включающей два геологических и четыре культурных слоя. Нижним слоем, на который иногда опираются интересующие нас сооружения, является слой скального гранита (ложе скалы), как правило, не дающий находок и обозначаемый нулем. За ним идет первый слой, тоже обычно свободный от культурных остатков и состоящий из желтого песка (гранитная подпочва). Дальше идут слои, как правило, содержащие археологические находки. Второй слой представляет собой красноватый вымыв с холма, третий слой — гранитно-цементного пола (остатки полов древних сооружений, своего рода цемент из гранитной пыли и песка), по-видимому, синхронен стенам или оградкам сооружений и является важной разграничительной линией. Четвертый слой состоит из красной даговой глины и образует насыпи (холмы) между стенами. Наконец, пятый, самый верхний слой состоит из гумуса различной толщины в разных местах и не всегда встречается на объектах.

При раскопках чрезвычайно редко наблюдалась полная последовательность всех перечисленных слоев, часты случаи, когда памятник имеет лишь один культурный слой, примыкающий непосредственно к ложу скал.

Основные группы предметов, найденных на руинах

Орудия производства, вероятно вследствие большого износа, усиленного коррозией металлических орудий, составляют сравнительно небольшую группу находок. Мотыги сохранились только железные, и

¹² G. Caton-Thompson, *The Zimbabwe Culture*, Oxford, 1931, стр. 20—21.

притом в очень плохом виде, однако остатки их были найдены буквально на всех руинах. Они связаны главным образом со слсем даги и от более глубоких к более высоким горизонтам эволюционируют от клиновидной к широколопастной форме. Можно с уверенностью говорить, что железная мотыга была главным орудием обработки земли. Особая значимость мотыг подчеркивается тем, что они служили и для целей обмена. Португалец Резенде¹³ отметил это в 1634 г. Дос Сантуш писал, что мотыги давались в качестве брачного выкупа¹⁴. Само чикарангское слово *shambadza* (торговать) включает слово *badza* (мотыга)¹⁵. Вишхофф отмечает, что мотыги Зимбабве очень близки к современным мотыгам Центральной, Восточной и Южной Африки¹⁶.

Топоры найдены также только железные. Вишхофф делит их на три типа, из которых наиболее распространенным он считает тип Ниамары (клиновидный топор, повторяющий форму каменных). Топоры этого типа найдены в слое 2 на Маунд-Руине, в слое даги на террасах Акрополя и в слое гумуса на плато Зимбабве. Широколезвийные топоры, хотя и в меньшем количестве, всюду сопутствуют им. Наиболее интересны топор М. 14 из 2-го слоя Маунд-Руины и сходные с ним топоры руин Умтали. Замечателен боевой топор (секира) R. R. 3 № 25 из раскопок на плато, обнаруженный в слое серой глины и золы над гранитом; он очень близок к боевым секирам Большого Зимбабве, найденным Бентом. Распространение топоров всех этих типов по широкому ареалу Центральной, Восточной и Южной Африки и по сей день говорит об африканском происхождении данных предметов.

На руинах было найдено огромное количество наконечников стрел, среди них ни одного костяного, деревянного или бронзового — все они сделаны из железа. Вишхофф выделил четыре главных типа стрел¹⁷, найденных им в Ниамаре, Терей и других руинах: тип I — в форме стрелки (очевидно, боевая стрела), тип II — стрела с треугольным наконечником, тип III — в виде лопатки и IV — в форме остролистника. Все они характерны и для Большого Зимбабве, где к ним можно добавить еще два типа: зазубренный и игольчатый. Все стрелы кованые, двуперые (трех- и четырехгранных не встречается). Наиболее распространены первый, третий и четвертый типы наконечников. Наконечники в виде стрелки встречаются в самых нижних (1 и 2) и в самом верхнем (5) слое, лопатовидные — во 2-м слое, зазубренные (V тип) и в виде остролистника — в 3-м слое и в слое даги на Акрополе. Первые четыре типа стрел до сих пор бытуют у машона Южной Родезии. Для них особенно характерен тип IV, он встречается практически во всей Восточной Африке от оз. Виктория до верхней Замбези и р. Касаи. Тип I отмечен в Центральной (в Мумбва) и в Восточной Африке (васукума, руанда, ваганда, вашамбала, нанди, бари). Типы II и III встречаются во всех этих районах, но несколько реже.

Копье — главное оружие банту в недавнем прошлом — и наконечники копий, обнаруженные при раскопках, говорят о господствующей роли этого оружия и в эпоху, когда исследованные памятники были заселены. Наиболее характерны наконечники в виде лопатки и остролистника длиной от 17 до 50 см, встречающиеся в 3-м, 4-м и 5-м слоях Зимбабве. Вишхофф, рассматривая тип наконечника в форме остролистника, считает его общим для Восточной, Центральной и Южной Африки¹⁸. На стене Акрополя было обнаружено превосходное, декора-

¹³ Theal McCall, Records of South-eastern Africa, Cape Town, 1893—1903, v. II, стр. 411.

¹⁴ Там же, v. VII, стр. 289.

¹⁵ R. N. Hall, Prehistoric Rhodesia, London, 1909, стр. 35, прим. 1.

¹⁶ Н. А. Wieschhoff, Указ. раб., стр. 80.

¹⁷ Там же, стр. 79.

¹⁸ Там же, стр. 80.

тивное железное копье, сходное с такими же копьями из Западной Африки¹⁹.

Формы железных наконечников стрел и копий по сути одинаковы для всех слоев руин.

На всех руинах было найдено большое число предметов из проволоки. Она делалась из железа, меди, бронзы и золота и являлась полуфабрикатом для производства украшений. Реже всего встречаются фрагменты железной проволоки (очевидно, вследствие ржавления). Находки ее относятся к нижним слоям: в миддене — ниже мостовой на Акрополе, на граните — ниже мостовой на Руине Мауха. Сравнительно редко попадаются фрагменты медной проволоки, притом лишь в верхних слоях. Золотая проволока также встречается в более высоких слоях: в 4-м слое четвертой траншеи Акрополя, в слое гумуса на плато, а также в 3-м слое Акрополя, — всюду в сочетании с обильным железным инвентарем. Находки фрагментов золотой проволоки более характерны для поздних периодов культуры Зимбабве, а не для ранних, как считали Холл и его последователи²⁰.

Наиболее часты находки бронзовых проволочных изделий. Самые ранние из них — фрагменты бронзовой проволоки в 1-м и 2-м слоях Руины Мауха и в мидденах Акрополя (в слое ниже ранней мостовой). Нередки находки бронзовой проволоки в 3-м и 4-м слоях, а также в датовом слое на Акрополе. Особенно замечательна находка фрагментов проволочного бронзового запястья во 2-м слое, под основанием конической башни эллиптического сооружения Зимбабве. Находка этого запястья, не отличимого от других, более поздних бронзовых проволочных изделий, под сооружением, которое считалось одним из ярких образцов иноземной архитектуры, нанесла серьезный удар противникам автохтонного происхождения культуры Зимбабве.

Уменьем тянуть проволоку обладали все африканские племена от Эфиопии до Кэйптауна. Против самобытности этой техники не возражал даже Штульман. Вишхофф считает Зимбабве одним из крупных центров распространения проволочных изделий²¹.

Вместе с перечисленными изделиями из металлов нередко встречаются бесформенные металлические предметы, а также железные, медные и бронзовые полосы, круги и т. д., служившие, видимо, заготовками. Особенно часты находки фрагментов железа. Железо вообще является основным для культуры Зимбабве металлом.

К е р а м и к а

Особенно ценными для археолога по характерности и массовости находок, по их сохранности являются керамические изделия.

Нижние слои родезийских руин и подъемный материал повсеместно дают однотипную грубую лепную керамику. В самостоятельный класс А эта керамика была выделена Кэтон-Томпсон во время ее раскопок на Маунд-Руине Большого Зимбабве. Вот как она описывает эту керамику:

«...грубая, от красно-коричневой до темно-серой лепная посуда, твердая, с кварцевыми частицами и плохо обожженная, с уплощенными запрокинутыми краями; посуда иногда украшена диагональными или другими рисунками, небольшими по площади и окруженными отпечатками по сырой глине, в других случаях края плоские и украшения располагаются поясом на горлышке»²². Все осколки этой посуды (647 черепков), найденные на Маунд-Руине, лежали ниже самого ран-

¹⁹ G. Caton-Thompson, Указ. раб., стр. 84.

²⁰ R. N. Hall and W. G. Neal, *The Ancient Ruins of Rhodesia*, London, 1904, стр. 106.

²¹ H. A. Wieschhoff, Указ. раб., стр. 80.

²² G. Caton-Thompson, Указ. раб., стр. 25.

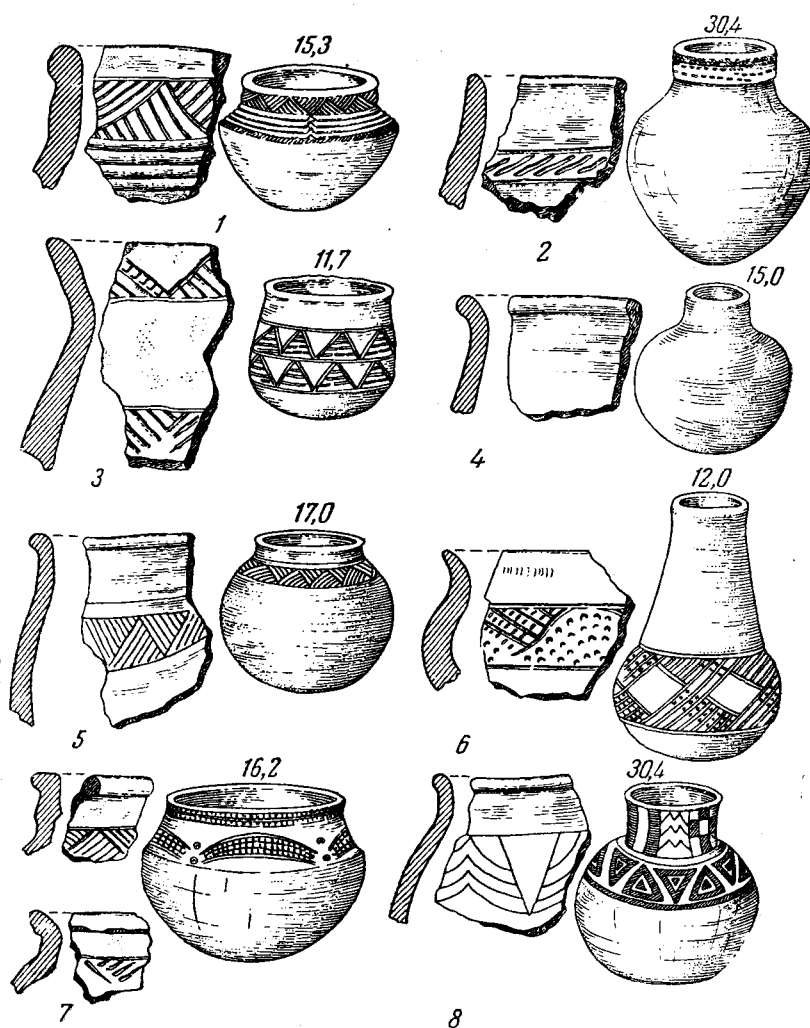

Рис. 2. Типы керамики междуречья: 1 — А1 (Гокомере); 2 — А3 (Пик Леопарда); 3 — А4 (М₂, культура Лимпопо); 4 — В (Большое Зимбабве); 5 — В₂ (то же); 6 — М₁ (Мапунгубве); 7 — С (Иньянга); 8 — D (розви). Цифры над сосудами показывают высоту в см

него замощения, и только четыре обломка были обнаружены над цементным полом. В последующие годы находки штампованной керамики были очень часты, и этот класс значительно пополнился и расширился.

Изучавший штампованную керамику Шофилд свел ее в класс R₁²³ (Родезийская первая). Саммерс выделил пять серий штампованной керамики, взяв за основу класс А Кэтон-Томпсон и присоединив к нему, исходя из локальных особенностей, еще четыре серии²⁴ (см. карту, рис. 2).

Первая серия, или тип, у Саммерса — керамика А1 (названная по месту первой находки «посудой Гокомере»). Этот тип совпадает с шофилдовским R₁ и классом А Кэтон-Томпсон. Керамика А2 впервые была найдена Мак-Ивером на Иньянге. Саммерс называет ее керамикой

²³ J. F. Schofield, *Primitive pottery*, Cape Town, 1948, стр. 87.

²⁴ R. Summers, *Iron Age cultures in Southern Rhodesia*, «South-African Journal of Science», v. 47, № 4, 1950, стр. 97.

культуры Зиуа и относит ее к доруинному периоду Иньянги²⁵. Тип АЗ обнаружен Робинсоном у Кхамы и по месту находки получил название керамики Пика Леопарда²⁶. Саммерс полагает, что она предшествует XIX веку и, вероятно, старше сооружений Кхамы и Большого Зимбабве. Очень близка к предыдущему типу керамика А4 из Северного Трансвааля. Она была в огромном количестве найдена на Мапунгубве и получила обозначение М₂. Шофилд выделяет ее в особый тип R₁G²⁷. Керамика эта имеет много местных вариантов в Южной Родезии и долине Лимпопо и часто встречается вместе с керамикой Мапунгубве — М₁.

Штампованная керамика в основном подстилает родезийские руины; непосредственно с ними связан особый тип так называемой руинной керамики. Кэтон-Томпсон разделила ее на три класса: В, С и D. Керамика класса В, совершенно отличная от керамики А, характеризуется Кэтон-Томпсон так: «Она более чистого состава, также ручной выделки; внешняя сторона снабжена черной, длинной, узкой полосой; глина обожженная красновато-серая. Она не орнаментирована, скошенный обод немного расширяется... этот класс керамики имеется в изобилии в слое над цементом во всех местах; многие черепки ее имели сверкающий, металлический, очень эффектный блеск в результате полировки графитом»²⁸. Керамика этого класса иногда встречается и ниже цементного пола вместе с керамикой А, но такие находки крайне редки.

Очевидно, более поздние варианты этой керамики составляют классы В₁ и В₂, содержащиеся в верхних слоях Большого Зимбабве. «Класс В₁ — ровная, черная полированная посуда, с выступающими ребрами, образующими филенки на сосудах...»²⁹. Посуда этого класса встречается над цементными полами, но довольно редко. «Класс В₂ — черная полированная посуда с вырезанным по серой глине линейным орнаментом»³⁰. Такая посуда также изредка встречается над цементными полами.

С керамикой класса В на Большом Зимбабве и на остальных руинах тесно связана ровная, грубая по структуре, коричневая или красно-коричневая полированная посуда, выделенная Кэтон-Томпсон в класс С. Основные массы этой керамики найдены в грудях даги, расположенных в разрывах стен Маунд-Руины, а также на руинах резервата Саби.

В самых верхних слоях Большого Зимбабве Кэтон-Томпсон нашла полихромную орнаментированную керамику, узоры которой состоят из красных полос, нанесенных гравировкой на черную обесцвечившуюся поверхность сосудов. Эту керамику она выделила в особый класс D.

Ареал распространения руинной керамики простирается на Машоналенд, Матабелеленд, Мозамбик и Северный Трансвааль. Характерен локальный центр керамики класса С в округе Иньянги, где она связана с руинами Никирка и террасами. К руинной керамике относится и сходная с классом В лепная керамика Мапунгубве — М₁. Фуше, ведший раскопки на Мапунгубве, пишет: «...мы можем без колебаний сказать, что посуда класса М₁ на Мапунгубве не отличима от посуды класса В на Зимбабве»³¹. В долине Лимпопо обнаружена керамика, сходная с С и D.

Кэтон-Томпсон связывала керамику класса В с машона (макаранга), а керамику класса D — с розви³², однако недостаток материала не

²⁵ R. Summers, Указ. раб.

²⁶ K. R. Robinson, Khami Ruins, Cambridge, 1959, стр. 122.

²⁷ J. F. Schofield, Указ. раб., стр. 95.

²⁸ G. Caton-Thompson, Указ. раб., стр. 25.

²⁹ Там же, стр. 53.

³⁰ Там же, стр. 54.

³¹ L. Fouché, Mapungubwe, Cambridge, 1937, стр. 53.

³² G. Caton-Thompson. Указ. раб., стр. 182.

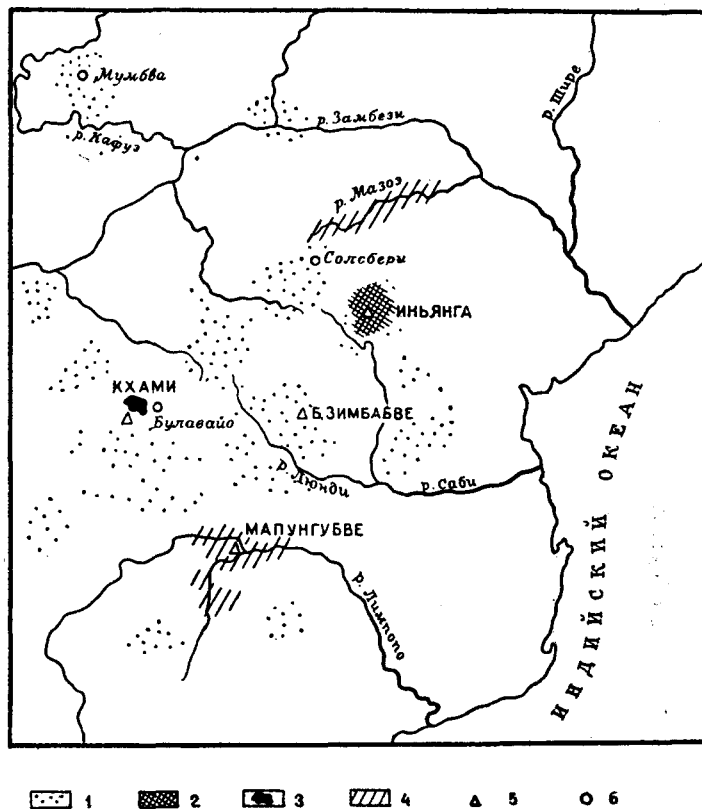

Рис. 3. Распространение штампованной керамики в междуречье Замбези — Лимпопо: 1 — А1 (Гокомере); 2 — А2 (Зиуа на Иньянге); 3 — А3 (Пик Леопарда на р. Кхами); 4 — А4 (Мапунгубве; она же М₂ и близкая к ней керамика Мазоз); 5 — руины; 6 — населенные пункты

позволил ей говорить об этом уверенно и строить более широкие обобщения.

Шофилд разделил всю керамику руин на два больших класса R₂ и R₃, из коих первый он связывает с машона и Мономотапой, а второй — с розви³³. В класс R₂ он включил В, В₁, С и М₁, но целиком входящими в этот класс он считал только В₁ и М₁, тогда как В и С вместе с В₂ и D в его классификации образовали R₃ (В₂ и D целиком вошли в этот класс). Основанием для такой классификации послужило сходство, обнаруженное Шофилдом между В, В₁ и С, с одной стороны, и частью посуды, входящей в связываемый им с розви класс R₃, — с другой.

Саммерс разделил всю руинную керамику на три типа: первый из них — В1 включает классы Кэтон-Томпсон В, В₁ и С; второй — В2 — классы В, М₁ и В₂; третий — В3 — идентичен классу D. Саммерс подчеркнул тесную связь керамики В2 и В3³⁴.

Особое внимание Саммерс уделил керамике Иньянги. Он не отрицает возможной связи ее с R₃, но подчеркивает большое ее значение для культуры керамики R₂. Происхождение керамики Иньянги представляется ему неясным, хотя связь ее со штампованной керамикой Зиуа для него очевидна³⁵.

³³ J. F. Schofield, Указ. раб., стр. 112, 117.

³⁴ R. Summers. Указ. раб., стр. 99.

³⁵ Там же.

Заканчивая обзор керамики, следует отметить исключительную близость различных типов, ее единство, заставляющее нас предполагать единую керамическую традицию всего междуречья (рис. 3).

Обширные торговые связи обусловили появление на данных памятниках персидского фаянса, китайского фарфора, арабского и европейского стекла выделки XIII, XV и более поздних веков. Все фрагменты фарфора, фаянса и стекла китайского, персидского и арабского происхождения были найдены на полах или над первоначальными полами Большого Зимбабве. Только найденные Мак-Ивером в ограде № 5 эллиптического здания два обломка белого китайского фарфора неизвестного времени лежали под первоначальным цементным полом. Некоторые фрагменты были найдены под нетронутыми полами руин Дхло-Дхло и др., но они, видимо, относятся не к очень отдаленному времени.

Бусы

Г. Бек, изучивший и систематизировавший бусы Зимбабве, разделил их на 33 типа и проанализировал их типовой состав в различных археологических слоях³⁶. Большую часть их составляют стеклянные бусы различных расцветок, очень скромные и, как правило, монокромные. Несколько меньше бус из металла, выделявавшихся путем скручивания бронзовой проволоки в ожерелье. Велико число плоских дисковидных бус, вырезанных из местной раковины *Achatina*. Они и сейчас пользуются популярностью в Южной Африке. Примечательно, что в междуречье совершенно отсутствуют бусы из камня, слоновой кости, фаянса и керамики. Особый вид составляют немногочисленные бусы из скорлупы страусовых яиц (сугубо африканский тип).

Бек нашел, что для слоев, лежащих между ложем скалы и первоначальными полами, особенно характерны стеклянные бусы³⁷. В нижнем слое Большого Зимбабве (на Акрополе, на Руине Мауха, на плато) и Губвуми из 389 найденных бус только 9 были металлическими и раковинными. Больше всего (119 штук) оказалось маленьких черных бус (тип I по Беку), которые были найдены, кроме того, буквально на всех объектах.

Особенно интересны маленькие зеленые бусы типа Va, которые оказались сходными с бусами Южной Индии и Индонезии. Для некоторых типов бус. (I. VI d) были найдены параллели среди бус Северной Африки времен птолемеевского Египта и Южной Европы раннего средневековья. В связи с этим Бек полагает, что в первые века нашей эры существовал единый центр, сохранявший старую египетскую традицию выделки стеклянных бус и снабжавший ими Южную Азию и Африку³⁸.

В верхних слоях родезийских руин Дхло-Дхло и Матандере, относящихся, видимо, к XVII—XVIII векам, доминирующими оказались также стеклянные бусы, сходные с упомянутыми выше. Наряду с этим здесь появляются в большом количестве металлические и особенно раковинные бусы. Некоторые металлические бусы из Матандере очень похожи на бусы из Конго, бывшие там в моде около 100 лет назад.

Саммерс обратил внимание на связь бус с керамикой. По его наблюдениям, бусы упомянутых выше типов встречаются вместе с руинной керамикой B и M₁. Он отметил, что стеклянные бусы крайне редко находят вместе со штампованной керамикой, с которой обычно встречаются бусы из раковин и особенно из скорлупы страусовых яиц. Интересно, что стеклянные бусы серии нижнего слоя Зимбабве обнаружены на

³⁶ G. Beck, Rhodesian beads. В кн.: G. Caton-Thompson, The Zimbabwe culture, Appendix I, стр. 229—243.

³⁷ Там же, стр. 236.

³⁸ Там же, стр. 235—236.

террасах горной Иньянги вместе с керамикой типа современной посуды маника³⁹.

Сложные вопросы о датировке бус и источнике распространения стеклянных бус (аборигены не умели делать стекло) пока еще не решены. Кэтон-Томпсон относит стеклянные бусы к VIII—IX вв. н. э. и полагает, что они ввозились из Южной Индии и Индонезии⁴⁰. Она ссылается на показания португальцев о ввозе бус из Камбайи и о вывозе ими бус-змеевиков из Южной Индии, но данные эти более позднего времени.

Бек, соглашаясь с Кэтон-Томпсон, утверждает, что бусы нижнего слоя не моложе IX—X и не старше II в. н. э. Он считает возможной связь этих бус с цивилизацией Тангала в Индии (около 700 г.), но отмечает, что черных бус, подобных типу I, там было очень мало⁴¹.

Прочие находки

Всемирную известность получили найденные на Зимбабве примитивные скульптуры птиц на высоких пьедесталах, высеченные из мыльного камня. Уже Холл знал о девяти таких находках. Ранние исследователи связывали их с завезенным сюда из Аравии или Финикии астральным культом⁴². К сожалению, нет никаких данных о глубине залегания этих находок, но на наш взгляд они продолжают древнюю скульптурную традицию междуречья. Уже в слоях, связанных со штампованной керамикой A3 и M₂, встречаются стилизованные фигурки (преимущественно женщин) из известняка и керамики. Более реалистические и большей частью мужские фигуры Зууа связаны с керамикой A2. Нет никакого сомнения, что эта традиция не прерывается и в период, когда данные памятники были обитаемы. Керамику M₁ часто находят вместе с подобными фигурками; кроме того, Фробениус в Вукве нашел керамические фигурки птиц, связанные с руинной керамикой и очень близкие к изваяниям птиц из мыльного камня⁴³.

Подобно многим другим народам африканцы междуречья издавна любили украшать свои вещи росписью и скульптурной резьбой. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас в большом количестве фрагменты скульптурных деталей на сосудах, отдельные скульптурные поделки. Часть их имеет декоративное значение, например, лапки четырехногих, типично африканских сосудов; другие, несомненно, связаны с религиозными представлениями (например стилизованные фигурки женщин и проч.). На наш взгляд, правы Дорнан и Шофилд, считающие птиц из мыльного камня тотемными фигурами, стоявшими у хижины колдуна⁴⁴.

Происхождение культуры Зимбабве по современным данным

На основе тщательного изучения археологии родезийских руин в 1940—1950-х годах сложились наиболее солидные из современных теорий происхождения культуры Зимбабве.

В 1942 г. Шофилд предложил периодизацию этой культуры⁴⁵. Он делит ее на три периода.

I. Период, предшествовавший образованию государства Мономотапы и продолжавшийся приблизительно с IV по X—XI вв. н. э.; в этот период складываются зачатки культуры Зимбабве, возникновение кото-

³⁹ R. Summers, Inyanga: a preliminary report, «Antiquity», v. 13, 1939, стр. 75.

⁴⁰ G. Caton-Thompson, Указ. раб., стр. 197.

⁴¹ G. Beck, Указ. раб., стр. 236.

⁴² См. R. N. Hall and W. G. Neal, Указ. раб., стр. 23, 41—42.

⁴³ J. F. Schofield, Указ. раб., стр. 119.

⁴⁴ E. A. Walker, History of Southern Africa, London, 1957, стр. 10.

⁴⁵ J. F. Schofield, A survey of the recent Prehistory of Southern Rhodesia, «South-African Journal of Science», v. XXXVIII, 1942, стр. 81—111.

рой на Большом Зимбабве связывается с «батонга» — первой волной переселенцев-банту.

II. Период Мономотапы, или первый шонский, в течение которого шоны, продвинувшиеся из-за Замбези около XII в., основали государство Мономотапа. Они подчинили себе соседние племена и создали высокую культуру. Шоны построили Акрополь, развили добычу руд, завязали торговлю со странами, расположенными на побережье, и т. д. В этот период (1500—1700 гг.) шоны заняли Мапунгубве, а розви (на-род шонской ветви) построили Нанатали, Дхло-Дхло и Кхами (около 1600 г.).

III. Период Мамбо, или второй шонский, открывается разгромом Мономотапы в 90-х годах XVII в. первым «мамбо» (правителем) розви. В этот период розви, создавшие свое государство, заканчивают (после 1725 г.) эллиптическое здание и возводят долинныя сооружения. К XVIII в. Шофилд относит появление многих памятников междуречья. Около 1750 г. розви разрушают Мапунгубве. Третий период заканчивается вторжением нгуни и ликвидацией государства Мамбо.

Очень интересна теория Р. Саммерса, учитывающая главные достижения буржуазной африканистики. Основываясь на очевидном преобладании железа в культуре насельников междуречья, Саммерс делит всю их историю на три фазы: фазу преобладания железного века А, фазу взаимодействия железных веков А, В, АВ и С, и фазу преобладания железного века Д. Саммерс устанавливает два основных культурных потока в междуречье. Первый, связанный со штампованной керамикой, он называет железным веком А. Более поздний культурный поток, связанный с родезийскими памятниками и керамикой руин, он называет железным веком В. Культуру, или железный век, АВ он выводит из взаимодействия железных веков А и В в пределах долины Лимпопо (культура Мапунгубве). Синхронной этим культурам он считает связанную с керамикой С культуру, или железный век, С. Все эти культуры претерпели изменения под влиянием вторгшихся в междуречье нгуни (по Саммерсу — железный век Д) ⁴⁶.

Эпоха железного века А характеризуется, по Саммерсу, сравнительно бедным инвентарем, господством небольших железных орудий, преобладанием раковинных бус и крайне малым распространением предметов роскоши. В качестве жилищ использовались хижины из жердей и даги, но около них уже появлялись грубейшие каменные стены типа насыпей. Для этого времени был характерен культ плодородия с его мужскими и женскими стилизованными фигурками. Покойников хоронили в скорченном положении, рядом с ними ставили сосуды и фаллические изображения. Скот на раннем этапе отсутствовал, и основой жизни были примитивное земледелие, собирательство и охота.

Период железного века А Саммерс рассматривает как цепь последовательных миграций, разбивая его на А1, А2 и т. д. века. Дату и место появления народа — носителя культуры А1 он не считает возможным указать, но на основании находок в пещерах Мумбва и некоторых местах на Замбези керамики, сходной с А1, он считает, что обладатели «посуды Гокомере» пришли с севера. Начало золотых разработок в Родезии в X в. и появление скота Саммерс связывает с миграциями племен Зиуа и Пика Леопарда, которые, по его мнению, импортировали в Родезию искусство добывания золота и разработки руд.

Саммерс не характеризует подробно культуру керамики А4, но отводит ей большую роль в формировании культуры Мапунгубве. По его мнению, железный век А мог длиться до полутора тысяч лет.

К 1400 г. Саммерс относит появление с севера железного века В1 («первой руинной культуры»). Носители В1 были совершенно отличны от носителей культуры А, пишет Саммерс. Он с большим трудом допу-

⁴⁶ R. Summers, Iron Age cultures in Southern Rhodesia, стр. 103.

скают, что это были «нецивилизованные» африканцы, настолько богата и пышна была их культура. Среди главных ее черт он выделяет большие каменные стены правильной кладки, фигурную кладку камня, богатую орнаментiku посуды, украшения из бронзы и золота, резьбу по слоновой кости и, наконец, привозные из Европы и Азии предметы. К изменениям в духовной культуре он относит переход к культу бесплотного божества и исчезновение изображений, связанных с культом плодородия.

Если главной культурной чертой железного века А Саммерс считает добычу золота, то железный век В1 для него характерен прежде всего глубоко уходящей в культуру банту традицией каменного строительства. Носителями культуры железного века В1 он считает племена каранга (из группы шона), которые он выводит с юга бассейна Конго.

Смешение двух культурных потоков, по мнению Саммерса, привело к образованию в долине Лимпопо культуры Мапунгубве. На родезийском же водоразделе, где преобладали каранга, зародилась культура Зимбабве и образовалось государство Мономотапа, политически подчинившее себе большую часть Родезии. Образование Зимбабве и Мономотапы он относит к началу XV в.⁴⁷

Первый период расцвета Мономотапы продолжался до 1506 г., когда в дела междуречья вмешались португальцы. Глухие упоминания португальских источников о войнах Мономотапы со страной Тороа, или Бутуа, в конце XV в., о прекращении транспортировки золота в Софалу и концентрации его в Бутуа — позволили Саммерсу предположить, что в конце XV в. в междуречье вторглась культура железного века В2, проникающая сюда с запада и северо-запада. Люди культуры В2 заняли на короткое время Зимбабве, но в основном расселились в районе к югу и западу от Большого Зимбабве, в частности на Мапунгубве. На постепенное просачивание культуры В2 с запада указывает, по Саммерсу, увеличение стратиграфической разницы между керамикой В2 и другими типами керамики в направлении на восток.

Взаимодействие культур в долине Лимпопо, пишет Саммерс, развивалось по линии приспособления культуры железа людьми каменного века. Исследование нескольких десятков скелетов из Мапунгубве показало, что население холма сохраняло облик, свойственный ему в эпоху камня, так как негроидная примесь очень незначительна. Культура железного века АВ длительное время развивалась обособленно, так как она уже успела сложиться прежде, чем вошла в контакт с источником снабжения бусами, сходными с бусами Зимбабве и Кхами.

Одновременно с упомянутыми культурами в междуречье распространяется культура железного века С, связанного с керамикой Иньянги. Саммерс воздерживается от каких-либо предположений относительно происхождения этой культуры, но считает, что она тесно связана с культурой В1; во всяком случае, террасы Акрополя содержат огромное количество керамики С (в верхнем горизонте), а руины Иньянги очень близки к руинам Зимбабве. Террасы на долеритовых холмах Иньянги значительно моложе поселений со штампованной керамикой, что доказывается наличием толстого стерильного слоя вымыва между уровнем террасы и мидденом Зиуа 1.

Главным результатом взаимодействия культур В1, В2 и С, по Саммерсу, явилось развитие мощного культурного центра на территории нынешнего Машоналенда. Правда, Саммерс допускает известную непоследовательность в оценке этой культуры, — ниже мы остановимся на этом, — но в основе его взглядов на происхождение культуры Зимбабве лежит убеждение, что «Зимбабве построено африканцами для африканцев»⁴⁸.

⁴⁷ R. Summers, Iron Age cultures in Southern Rhodesia, стр. 106.

⁴⁸ R. Summers, Zimbabwe: Capital of Ancient Rhodesian Kingdom, «Africa South», v. 2, № 2, 1958, стр. 57.

К XVI в. Саммерс относит начало торговых контактов шона с европейцами. К сожалению, он не останавливается на этих контактах и не видит последствий, к которым они привели. Без внимания оставляет он торговое и политическое соперничество португальцев и арабов на юго-восточном побережье Африки.

В XVII в. в междуречье появляется новая культура железа — железный век B3, по Саммерсу, век господства племен розви, время нового расцвета африканской культуры междуречья, нового подъема каменного строительства и развития керамики, металлургии и т. д. С этим периодом Саммерс связывает строительство Кхами и эллиптического сооружения — «храма» Зимбабве, преобладание полихромной керамики типа D (Кэтон-Томпсон) и развитие торговых связей с Востоком (ввоз китайского фарфора и пр.). Упадок культуры Зимбабве Саммерс связывает с появлением нгуни.

Взгляды Шофилда и Саммерса были приняты наиболее передовыми западными учеными. На конференции археологов-африканистов в 1953 г. Г. У. Хантингфорд, подводя итоги исследования проблемы Зимбабве, дал конспективное изложение взглядов Шофилда и Саммерса⁴⁹. Прогрессивным буржуазным африканистам удалось разрешить некоторые из проблем, касающихся происхождения культуры Зимбабве. Сейчас нет сомнений, что Зимбабве строили банту, творцы Зимбабве являются и создателями Мономотапы и т. д. Однако в работах этих исследователей наряду с противоречиями по отдельным вопросам мы найдем и общее для них безразличие к общественным отношениям у творцов культуры Зимбабве, недооценку разрушительного действия европейской колонизации и, наконец, непоследовательность в защите тезиса об автохтонности Зимбабве. Наиболее резко проявляется это в решении таких важных вопросов, как происхождение культуры железа и каменного строительства в Южной Родезии. Все эти исследователи, объясняя происхождение и развитие различных сторон культуры, склонны связывать их не с внутренним развитием общества, а с миграциями и скрещением культурных влияний, без чего они не могут представить себе ни одного крупного сдвига в культуре.

Вопрос о происхождении железа в районе междуречья еще не ясен. Однако древность культуры железа в этих местах несомненна. Археология Зимбабве показывает, что железо давно уже вытеснило здесь и дерево, и камень, и кость. Исторические источники подтверждают это. Уже во второй половине XII в. Идриси сообщал, что железо Софалы имеет огромный спрос в Индии и что оно по обилию, добротности и ковкости превосходит индийское. О том же писал Ибн аль-Варди в XV в. Его современник Макризи сообщал о Малинди и Софале, как о двух главных центрах по экспорту железа, каковыми они были, по его мнению, уже в XIII в.

Следы древнейшей в области междуречья культуры железа были обнаружены в пещере Мумбва на р. Кафуэ. Железные орудия найдены в верхнем слое, а на глубине 1,5 м, под неолитическими отложениями, обнаружены древняя железоплавильная печь и железный шлак. Анализ шлака показал, что «нижнее железо» Мумбва резко отличалось от «верхнего»; последнее очень сходно с железом, из которого сделаны вещи, найденные в нижних слоях Зимбабве и Мапунгубве. «Верхнее» железо окружено керамикой, близкой по типу к A1 (Гокомере).

Датировка «нижнего железа» пока еще спорна. Ясно лишь, что после него опять наступил период господства индустрии камня. Неудобное для обработки железо, выплавлявшееся в домнице Мумбва, тесно связанной с отложениями каменного века, по всей вероятности, отно-

⁴⁹ «History and Archaeology in Africa. Report of Conference held in July 1953 at the School of Oriental and African Studies», London, 1955, стр. 75—80.

силось к начальному этапу культуры железа в междуречье. Железо верхнего слоя, удобное для обработки, относится уже к этапу распространения и утверждения этой культуры.

Саммерс и Шофилд полагают, что эта культура была принесена в междуречье волной иммигрантов банту с севера, поскольку культура железа и керамика Зимбабве (принадлежащие банту) и Мумбва очень близки⁵⁰. Однако подобный сорт железа и изделий из него найден и на Мапунгубве, но вместе с керамикой А4, и принадлежал он, как это точно установлено, не банту, а предкам бушменов⁵¹. Им же принадлежали и каменные орудия эпохи Вильтона в Мумбва, с которыми тесно связано «верхнее» железо этой гещеры. Находки в Вильтонском слое Мумбва кельтов из железной руды, выполненных в неолитической технике, надежно связывают появление культуры «верхнего» железа в Мумбва с населением койсанского антропологического типа Вильтонской неолитической культуры Мумбва.

Однако мы далеки от того, чтобы связывать начало культуры железа в междуречье исключительно с предками бушменов. Находки, относящиеся к Вильтонскому времени, свидетельствуют об их длительном взаимодействии с банту. Так, Шофилд, анализируя находки Мумбва, пишет: «Не может быть сомнения в родстве нашей керамики с известной посудой банту и в том, что она была сделана и украшена способами, до сих пор используемыми местными народами. Не может быть также сомнения относительно ее связи с Вильтонской индустрией: в раскопе I 31% от общего числа всех найденных орудий получен из слоя железного века, в раскопе II — 29%. Все эти орудия относятся к Вильтонской индустрии...»⁵². Подобную же картину дают и культурные слои Солсбери-Коммонедж, Бамбаты и других мест.

Можно поэтому полагать, что культура железа в междуречье уходит своими корнями в местный неолит, для Вильтонской эпохи которого характерно длительное взаимодействие между предками бушменов и постоянно проникавшими на территорию междуречья банту⁵³. По-видимому, открытие железа и изобретение керамического производства были совместным достижением обеих этих этнических групп.

С культурой железного века А связано и начало каменного строительства в Родезии. Наличие грубейших каменных построек в нижних слоях Зимбабве и других родезийских памятников отмечалось рядом авторов. Шофилд и Кэтон-Томпсон относили к этому типу построек подобия стен из наваленных камней, обнаруженные в основаниях стен Акрополя, Дхло-Дхло и других сооружений⁵⁴. Саммерс связывает железный век А с грубыми столбовыми конструкциями и примитивными каменными насыпными стенами⁵⁵.

Наиболее глубоко вопрос о происхождении каменного строительства в междуречье был исследован Вишхоффом⁵⁶. Он решительно отверг обиходное представление о том, что народы междуречья не имеют никаких сведений о происхождении каменных зданий, приписывают их созданию дьяволу и т. п. Ныне известно, что ваунгве считали руины Сангано

⁵⁰ R. Summers, Iron age cultures in Southern Rhodesia, стр. 103; J. F. Schofield, Указ. раб., стр. 38.

⁵¹ L. Fouché, Указ. раб., стр. 175.

⁵² J. F. Schofield, Указ. раб., стр. 45.

⁵³ Это подтверждается данными антропологии. В настоящее время прослежены три основных этапа в формировании антропологического облика народов междуречья: бушмениде-боскопиды, бушменоиды с негроидными чертами негроиды (иногда с бушменондными признаками). См. R. Summers. Inyangа, стр. 158—166.

⁵⁴ J. F. Schofield, Zimbabwe: A Critical Examination of the Building Methods Employed, «South-African Journal of Science», Dec. 1926, стр. 984; G. Caton-Thompson, Указ. раб., стр. 171.

⁵⁵ R. Summers, Iron Age cultures in Southern Rhodesia, стр. 101.

⁵⁶ H. A. Wieschhoff, Указ. раб., стр. 42, 110.

делом рук их предков. Бабуджа утверждают, что руины Тере были местом обитания их прародителя. Честь сооружения главнейших руин Зимбабве, Дхло-Дхло, Кхами традиция совершенно определенно приписывает барозви, однако некоторые бадума заявляли, что их предки жили на Зимбабве задолго до барозви.

Вишхоффу удалось доказать тесную связь каменных сооружений междуречья с традиционной архитектурой из дерева и глины. В руинах Ниамары он обнаружил два совершенно сходных по плану и назначению типа домов, но один из них, тип Е, составляли сооружения из дерева и даги, тогда как другой, тип В, — из даги и камня. Полную аналогичную типу Ниамары А (каменный круглый дом, разделенный на четыре помещения) удалось обнаружить в районе Гвело, где точно такие же сооружения были сделаны из глины.

Планировка отдельных сооружений и современных негритянских деревень в междуречье, по мнению Вишхоффа, чрезвычайно близка к планировке главных сооружений Зимбабве. В обоих случаях жилые дома стоят внутри больших оград, разница лишь в том, что на Зимбабве ограды сделаны из камня, а теперь их делают из дерева и глины. Легко объяснимо наличие хижин из даги на Маунд-Руине в разрывах радиальных стен. Доказано, что стены эти никогда не замыкались, а были построены с целью разделить прилегающее к хижинам пространство на несколько секторов. Это делается и в наше время у многих племен банту.

Возникновение строительства из камня еще до появления арабов и других иноземцев подтверждается данными радиоуглеродного анализа двух деревянных брусев из «храма» Зимбабве. Брусья датируются 591 г. н. э. ± 120 л.; 702 г. н. э. ± 92 г.⁵⁷

Многие исследователи обратили внимание на сходство планировки сооружений Большого Зимбабве и поселений банту района межозерья. В доказательство этого Кэтон-Томпсон приводит план королевской резиденции в Буньоро⁵⁸. То же отмечал и Шебеста, придерживавшийся мнения о родстве Уганды и Зимбабве. Согласно гипотезе Шпаннауса культура межозерья возникла под влиянием завоевателей-хамитов, поэтому Вишхофф счел возможным заявить: «имеется вероятность, что хамитическая группа, основавшая так много государств в различных частях Восточной Африки, в некоторой степени ответственна не только за сами здания, но и за всю родезийскую культуру Зимбабве-Мономотапы»⁵⁹.

Сходство построек Родезии и межозерья было подтверждено работами Дж. Мэтью в 1952 г.⁶⁰. Около Биго (Западная Уганда) ему удалось найти древнее поселение, сходное с Зимбабве. Недалеко от Биго были к тому же обнаружены глубокие шахты в Лусигате и в Масака и большие земляные и ирригационные сооружения в Нтузи. Мэтью исследовал несколько мидленов в Нтузи и нашел в них штампованную керамику типа А Зимбабве.

Раскопки Мэтью дают основания отрицать ведущую роль «хамитов» в истории междуречья. Находки в Нтузи, Биго и Кинони показывают, что строители сооружений Западной Уганды не употребляли в пищу мяса крупного рогатого скота, что бусы из стекла использовались ими в весьма ограниченном количестве и что хотя эта культура и относится к железному веку, но орудия из камня еще употреблялись. В Нтузи вместе с фрагментами обработанного железа было найдено несколько кварцитовых наконечников стрел, каменный топор и халцедоновый наконечник копья.

Таким образом, насельники родезийских сооружений и даже их

⁵⁷ R. Summers, The dating of the Zimbabwe Ruins, «Antiquity», № 114, 1955, стр. 108.

⁵⁸ G. Caton-Thompson, Указ. раб., лист LXI.

⁵⁹ H. A. Wierschhoff, Указ. раб., стр. 109.

⁶⁰ «History and Archaeology in Africa» (цит. выше), стр. 32.

Памятники и культуры междуречья (опыт хронологии)

Эпоха	Неслит Ранний железный век		Развитый железный век		Поздний железный век
Культура	Гокомере	Зимбабве	Зимбабве (карага)	Зимбабве (розви)	Нгуни
	Вильтон	Иньянга (Зиуа I и II)	Иньянга		
		Пик Лиспарда (Кхами)	Кхами (гези)		
		Лимппо (Мапунгубве)	Мапунгубве		
Жилище и другие постройки	Открытые стоянки и пещерные жилища типа Мумбва, Бамбата, Солсбери-Коммонедж и др.	Подобия стен из грубо наваленных камней на Зимбабве и Мапунгубве. Основное жилище—даговая хижина типа Пика Леопарда. Всюду зернохранилища, в т. ч. из камня	Постройки с могучими каменными стенами (вначале—перемычками). «Акрополь», внутренние стены «храма», руины Маунд и Мауха, Кхамы и др. Террасы из камня на Зимбабве и Иньянге	Сооружение внешней стены «храма» Зимбабве. Завершение Дхло-Дхло. Орнаментальная кладка стен. Отдельные форты: Чивона, Гомбе и др.	Близкое к современному. Исчезновение каменного строительства
			Жилище—даговая хижина внутри каменных стен		
Орудия производства и оружие	Отщепные каменные орудия. Полированные кельты из железной руды. В Мумбва появляются малые железные наконечники стрел	Железные мотыги. Топоры типа каменных. Малые железные наконечники стрел. Зернотерки	Железные мотыги и топоры, имитирующие форму каменных. Большие железные наконечники копий. Кинжалы, ножи. Зернотерки	Большой ассортимент железных орудий и оружия. Декоративное оружие из бронзы	Близкие к современным
Керамика	Появляется штампованная керамика, близкая к типу А1 (Гокомере)	Грубая лепная штампованная керамика типа А1 (на большей части междуречья)	Полированная керамика: без украшений—В, ребристая—В ₁ , орнаментированная черно-красная—В ₂	Украшенная награвированная полихромная посуда (типа D по Кэтон-Томпсон)	—

Продолжение таблицы

Эпоха	Населит		Ранний жел зный век	Развитый железный век		Псэдный жел зный век
Культура	Гоконгере		Зимбабве	Зимбабве (каранга)	Зимбабве (розви)	Нгуни
	Вильтон		Иньянга (Зиуа I и II)	Иньянга		
			Пик Леспарда (Кхами)	Кхами (розви)		
			Лимпсво (Мапунгубве)	Мапунгубве		
		В Иньянге, Кхами, Мазэ, Лимпопо-А2, А3, А4 Посуда из серой глины, поверхность матовая	На Мапунгубве близкая к В посуда М ₁ На Иньянге грубая красно-коричневая посуда — С		—	
			Ввозный фаянс, фарфор и стекло			
Антропологический тип населения	Бушменоидо-боскопиды Негроиды (появляются)	Негроиды Бушменоидо-боскопиды с негроидными чертами Негроиды с бушменоидными чертами		Негроиды Бушменоиды в отдельных местностях	Негроиды	
Общественные отношения	Прочная община	Разложение общины к концу эпохи. Выделение родовой верхушки	Объазование военных демократий. Союзы племен			
			Союз каранга. Моностапа, ее расцвет и разложение	Образование державы розви. Феодализация		
Тип хозяйства	Земледелие (примитивное), животноводство, охота	Мотыжное земледелие, скотоводство, охота	Мотыжное земледелие (в частности террасное) и скотоводство	Мотыжное земледелие, скотоводство		
Время	До VIII в. н. э. В отд. местах до XIX в.	VI—IX вв. н. э.	X—XVII вв.	1693—1834 гг.	До наших дней	

предшественники — обладатели штампованной керамики стояли на несколько более высоком уровне развития, нежели строители из Западной Уганды. В Родезии каменные орудия нигде не встречаются в отложениях, связанных с каменными сооружениями.

Королевский крааль в Буньоро гораздо моложе руин междуречья, да и сами государства межозерья, бесспорно, не могут соперничать своей древностью с Мономотапой. Культура Зимбабве достигла более высокого развития раньше, чем Западная Уганда. В свете всего сказанного междуречье может считаться местом зарождения одной из выдающихся каменостроительных культур Африки. На наш взгляд, с большим основанием можно говорить о влиянии юга на север, нежели наоборот.

Общественные отношения

Общественные отношения у создателей культуры Зимбабве и Мономотапы не привлекали внимания буржуазных исследователей. Шебеста и Вишхофф, останавливавшиеся на этом вопросе, ограничились эклектическим перечислением известных им черт общественной жизни Мономотапы, рассматривая их лишь с целью выяснения их происхождения. Ни один из этих исследователей не делает разницы между понятиями «король» и «вождь», «племенной совет» и «совет министров» и т. д. Поэтому они с одинаковой легкостью соглашались видеть в создателях Зимбабве и рабовладельцев времени царя Соломона, и подданных «императора» Мономотапы, и «дикарей», бессмысленно работающих на представителей «высшей расы».

Данные, которыми мы располагаем, очень скудны, однако по находкам мотыг, зернотерок, зернохранилищ и костей домашних животных можно думать о зарождении в эпоху раннего железного века в Родезии примитивного скотоводства и земледелия со свойственным последнему культом плодородия и закономерно возникшими на этом этапе постоянными жилищами из грубо наваленных камней. Находки захоронений этого времени с бедным и однообразным погребальным инвентарем свидетельствуют о прочности общины, не затронутой имущественным расслоением.

Данные, относящиеся к следующему, современному строительству Зимбабве периоду, свидетельствуют о значительных изменениях в жизни общества междуречья. Относящиеся к этому времени португальские источники рисуют Мономотапу как типичное феодальное государство, во главе которого стоит окруженный вассалами король, собирающий дань с подвластных племен. Много внимания уделяют источники ближайшему окружению короля, которое они именуют «двором». Португальские авторы, а вслед за ними и некоторые современные исследователи находят там обширный государственный аппарат с министрами и канцлером во главе.

Однако такие обычаи и институты, как эндогамия вождя — «короля», особое положение женщин и особенно «королевы матери» и главных жен, исключительное влияние женщин на избрание и смещение верховного вождя — мономотапы, пользовавшегося вообще деспотической властью, — свидетельствуют о глубоких пережитках матриархата. Наличие же среди «министров» таких лиц, как главный колдун и главный барабанщик, довольно ясно показывает несостоятельность взглядов на Мономотапу как на общество со сложившимся государственным аппаратом. Это подтверждается взаимоотношениями между центром Мономотапы и периферией, в которых господствовали патриархальные методы взимания дани, а власть верховного правителя была обусловлена нормами, типичными для союза племен.

Можно не говорить о том, что эквиваленты в торговом обороте так же определялись лишь местным населением: ни мотыги, ни даже «хан-

да» (слитки металлов в виде косого креста) не имели ничего общего с упорядоченной государственной системой денежного оборота.

Однако изменения в общественной жизни были налицо. Появилась имущественная дифференциация, усугублявшаяся непрерывными войнами и торговлей с заморскими странами. Было утрачено прежнее равенство между свободными членами общины. Мономотапа держал в своих руках не только военную и гражданскую власть, но имел право жизни и смерти в отношении любого из своих подданных. Наряду со старейшими в роде выделяются и наиболее отличившиеся или наиболее сведущие, занимая весьма солидное положение при «дворе» Мономотапы.

Это смешение пережиточных и новых черт, сочетание первобытных и более развитых форм жизни свидетельствуют о том, что Мономотапа переживала период становления государства, находясь на обычной для этого этапа ступени военной демократии, а глава этого общества был вождем союза племен и обладал деспотической властью, как это типично для многих военных демократий.

Это находит полное подтверждение в производстве и материальной культуре Зимбабве-Мономотапы, характеризующихся появлением таких высокоразвитых форм, как террасное земледелие, расширением ассортимента железных и других орудий, а также украшений. Противоречивость этого периода отразилась и в духовной сфере, где культ предков сочетается с верой в общее для всего общества бесплотное божество «млимо» — бога племени макаранга, главного в союзе банту междуречья.

* * *

Резюмируем сказанное выше. Проблема происхождения Зимбабве еще далека от ее окончательного разрешения. Однако в свете изложенного материала можно сказать, что попытки объяснить ее происхождение миграцией на территорию междуречья представителей какой-то более развитой расы или влиянием на банту более высокой чужеземной культуры оказываются несостоятельными. Автохтонный характер культуры Зимбабве не вызывает сомнений. Очевидно и то, что основные черты этой культуры — металлургия, керамика и строительство из камня — сложились на территории междуречья, а не были внесены сюда различными волнами миграции банту, как полагает Саммерс. Культура Зимбабве была не только «создана африканцами для африканцев», но явилась закономерным результатом развития народов междуречья, перешедших от камня к металлу, от примитивного земледелия и охоты к развитому скотоводческому и мотыжно-земледельческому хозяйству, от первобытно-общинного строя к зачаткам государства, к военному демократическому обществу Мономотапы.

SUMMARY

The problem of the origin of Zimbabwe culture is still far from being positively solved. Nevertheless, attempts to trace its origin to migration into the area of representatives of a more highly developed race, or to the impact of a superior, alien civilization on the culture of the Bantu aborigines, have proved untenable. The autochthonous nature of Zimbabwe culture is beyond all doubt. It is also clear that the main features of that culture — i. e., metallurgy, ceramics and employing stone for building — emerged in the territory where it was spread, far from being the result of different Bantu migration waves, as presumed by R. Summers. Not only was Zimbabwe culture «made by Africans and intended for Africans» — it was the legitimate outcome of the development of the peoples of that area, who effected, around the 10th century A. D., the transition from stone to metal, from primitive agriculture and hunting to a well-developed economy based on cattle-raising and hoe farming, from the primitive-communal system to the rudiments of statehood — the military democracy of Monomotapa.